

III. Споры князей за уделы и борьба с кочевыми народами.

В княжеском роде, правившем Русью, в старину был обычай каждому князю давать отдельную волость или удел. Старший в роде получал Киев и назывался великим князем; младшие, смотря по старшинству, тоже получали большие или меньшие уделы. Но трудно было делить земли так, чтобы каждый был доволен. Недовольные старались или увеличить свои уделы, или приобрести другие, лучшие волости. Поэтому, чем более размножался княжеский род, тем больше русская земля дробилась на уделы, и тем больше было споров и войн между князьями.

Самый великокняжеский, престол был нередко предметом споров и войн. По обычаю он переходил к старшему из князей, который и считался главою рода и которому младшие князья обязаны были повиноваться и почитать его как отца. Но если старший был человек, не отличающийся особенными достоинствами или несправедливый в отношении младших, то случалось, что эти последние вооружались против него и лишали даже великокняжеского престола.

Сверх того, в княжеском роде существовал ещё обычай лишать права на великокняжеский престол потомков тех князей, которые умерли, но были сами великими князьями; князья, лишившиеся этого права, назывались изгоями; им не давали иногда и волостей или давали худшие; но храбрые и предприимчивые из них, стремились к приобретению хороших уделов, даже к восстановлению права на великокняжеский престол. Таким образом, в течение долгого времени русскую землю обуревали страшные междоусобия князей.

**Ярослав Мудрый,
первый русский законодатель.**

Борьба Ярослава со Святополком. У Владимира Святого было много сыновей и он ещё при жизни своей раздал им города во Владение, Святополку дал Туров, Ярославу — Новгород, Борису—Ростов, Глебу — Муром. Святополк был старшим и должен был после смерти отца наследовать Киевский престол. Но Владимир более всех сыновей своих любил Бориса Ростовского. Народ и дружина также выказывали к нему особенное расположение. Поэтому

Святополк, тотчас же после смерти отца, поспешил объявить себя киевским князьями, опасаясь соперничества Бориса, подослал убийц, которые бесчеловечно умертвили его; убит был также и Глеб Муромский. Церковь причислила их, как мучеников, к лику святых, а народ стал признавать их хранителями и покровителями русской земли. Святополк же, за своё злодеяние, получил в потомстве прозвание Окаянного. Он решился также перебить всех братьев и княжить на Руси один. Но Ярослав Новгородский, получив от сестры известие об этом замысле, подступил к Киеву с новгородцами и с дружиною. Тогда Святополк, несмотря на помощь, оказанную ему тестем, польским королём, должен был отказаться от Киева. Он погиб во время бегства в Польшу.

Русская, правда. После гибели Святополка, Ярослав сделался киевским князем. Он особенно прославился своими законами, которые известны под названием «Русской Правды». Это были первые писанные законы на Руси. В них определялись наказания за преступление, например, за убийство, воровство, побои, увечья. Так, за удар палкой или другим чем - либо, виновный платил 12 гривен или около 240 р. сер., за лишение пальца 8 гривен или около 60 рублей сер. ит. Русская Правда была дополняема и изменяема преемниками Ярослава. Так Ярослав сам, не решился ещё отменить языческий обычай мстить за смерть смертью, как, например, Ольга мстила за смерть Игоря, но он позволил это делать только самым близким родственниками, а не всем, как было прежде. При сыновьях же Ярослава обычай мести был совсем отменен. За убийство была назначена также денежная пеня, например, за убийство боярина или знатного человека преступники платили 80 гривен, — за простого свободного гражданина 40 гривен, за женщину 20 гривен. Если преступник скрывался, то за него платила штраф община, к которой он принадлежал. В случае недостатка улик, виновного приводили к присяге или подвергали суду Божьему. Под судом Божьим разумелось испытание железом или водою; например, подозреваемого в преступлении заставляли брать голыми руками раскалённое железо, или опускать руку в кипящую воду и если он при этом не обжигался, то, значит, был невиноват, и на оборот.

Вообще Ярослав больше заботился о внутренних порядках, нежели о завоеваниях, как прежние князья до принятия христианской веры. Так он строил города, например, Ярославль на Волге и Юрьев в Прибалтийском крае; много заботился о распространении христианства, основывал монастыри, строил церкви и старался об украшении их; в Киеве был построен и украшен им великолепный храм св. Софьи, по образцу Константинопольского Софийского собора; подобный же Софийский собор был построен в его княжение в Новгороде. Будучи убеждён, что для распространения и утверждения христианства в народе, прежде всего, необходимо образование, Ярослав заботился об открытии школ; так он основали, в Новгороде школу для 300 мальчиков; кроме того он сделал общее распоряжение на счёт грамотности: основывая по разным городам и местам церкви, он обязывал священников при этих церквах заниматься обучением грамоте и платил им за это из своих доходов. С этою же целью он приобретал, книги и приказывал переписывать их и переводить на славянский язык. Книги эти были хранимы при церкви св. Софьи в Киеве, и всякий, кто хотел, мог ими пользоваться. Наконец, Ярослав и сам любил заниматься книгами, сам списывал их, читал

днём и ночью, и так был начитан, что летописец Нестор называет его русским Соломоном. В потомстве же Ярослав получил за свои дела прозвание «Мудрого». Ярослав княжил от 1019 г. 1054. Он умер 76 лет от роду. Тело его похоронено в Киеве, в храме св. Софии, в мраморной гробнице и покоится там донныне.

Завещание Ярослава детям. Почувствовав приближение смерти, Ярослав собрал пятерых сыновей своих, оставшихся в живых и дал, им такое завещание: «Дети мои! Я отхожу от этого света; любите друг друга, ибо вы братья, дети одного отца и одной матери; ежели будете жить в любви между собою, то Бог будет с вами и покорить вам врагов ваших; а ежели станете ссориться, то погибнете сами и погубите землю дедов и отцов ваших, которую они приобрели с великим трудом. Живите же в мире и согласии. Свой столь Киев я поручаю старшему сыну (Изяславу). Слушайтесь его, как меня слушались. Пусть он будет вам вместо меня». Потом, назначив города другим сыновьями, Ярослав обратился к старшему, и сказал: «Если кто из братьев вздумает, обижать другого, ты помогай обиженному». Но недолго князья хранили завет отцовский. Все почти княжение сыновей Ярослава, продолжавшееся около полустолетия, протекло в междоусобьях. Усобицы княжеские продолжались и при внуках и правнуках его. Народ же, конечно, все это время страшно страдал.

Съезд князей в Любече, 1097 г. Между внуками Ярослава Мудрого нашёлся, однако же один, который старался всеми силами примирить князей. Это был Владимир Мономах, сын Всеволода. По его старанию князья съехались в 1097 г. в Любеч и здесь сообща, разделивши между собою волости, поклялись не ссориться более, а в подтверждение клятвы поцеловались друг с другом и поцеловали крест.

**Владимир Мономах,
примиритель князей и гроза половцев.**

При этом все единогласно воскликнули: «Да будет крест честный и вся русская земля против зачинщика».

Ослепление Василько. Но не успели князья ещё разъехаться, как совершилось страшное злодейство, и причиною его были уделы. На Любавском съезде города в Волыни утверждены были за тремя князьями: Давидом Игоревичем,

внуком Ярослава, и Василько и Володарем Ростиславичами, правнуками его. Правнуки эти отличались необыкновенной храбростью и предприимчивостью, особенно Василько. Он уже известен был своими удачными походами в Польшу. Отовсюду к нему стекались толпы храбрецов. С ними он намеревался завоевать Польшу и либо прибрести громкую славу, либо сложить свою буйную голову за русскую землю. Давид Игоревич, с одной стороны опасаясь иметь такого предприимчивого соседа, а с другой — не довольный тем, что Ростиславичам достались лучшие волости, решился на злодейский поступок. Он отправился в Киев, где в это время княжил Святополк II, старший внук Ярослава. Здесь он начал внушать великому князю, что Владимир Мономах и Василько хотят соединиться и лишить их обоих, уделов. Святополк был человек слабый и нерешительный. Он не знал, верить ли Давиду, или нет. Между тем Василько, возвращаясь со съезда, проезжал мимо Киева и на ночь расположился с дружиною своею около города.

Утром Святополк заслал просить его к себе. Не подозревая ничего, он отправился; но уже дорогою один из дружинников предупредил его об опасности. Василько, однако, не поверил и продолжал путь. Когда он приехал на княжеский двор, Святополк вышел к нему навстречу и ввёл его в свой терем. Сюда же вскоре пришёл и Давид Игоревич. Во время разговора, он сидел молча, как немой. Поговоривши немного с Василько, великий князь вышел из комнаты под предлогом распорядиться о завтраке. Вслед за ним вышел и Давид. Тогда на Василько напали воины, заковали его в двойные цепи и заключили под стражу. На другой день Святополк созвал на совет бояр и граждан и передал им известие Давида на счёт замыслов Владимира Мономаха и Василько. Бояре и народ дали такой ответ: «Тебе, князь, надо беречь свою голову. Если Давид говорит правду, то Василько нужно наказать. Если же это неправда, пусть Давид отвечает перед Богом». Между тем узнали об этом игумены монастырей и начали ходатайствовать перед великим князем за Василько.

Но Давид стал наущевать его на ослепление. «Если этого не сделаешь, говорил он Святополку, то ни тебе не княжить, ни мне». Слабый Святополк решился, наконец, выдать пленника Давиду. Ночью Василько перевезли из Киева в близлежащий городок и поместили в одной избушке. Здесь он увидел, как пастух начал точить нож. Он догадался, что его хотят ослепить, и горько заплакал. Действительно вошли несколько человек, разостлали ковёр и, несмотря на отчаянное сопротивление князя, повалили его, положили на грудь две доски и по концам их сели. От тяжести захрустели кости у несчастного князя. Тогда пастух, точивший нож, подошёл и вырезал оба глаза. Василько обезпамятел. В таком положении его повезли во Владимир на Волыни. На дороге с него сняли окровавленную рубашку и отдали вымыть. Когда Василько пришёл в себя, то сказал: «зачем вы сняли с меня рубашку? Пусть бы я в ней предстал пред Богом». Во Владимире ослеплённого князя посадили под стражу. Князья ужаснулись, когда услышали о таком злодействе. Владимир Мономах заплакал и сказал: «Такого зла не было ещё ни при дедах, ни при отцах наших».

Произошла опять междоусобная война, которая кончилась новым съездом князей. Здесь Давид Игоревич был наказан тем, что у него отняли Владимир - Волынский и дали другой худший городок. Василько же ещё ранее был освобождён и впоследствии слепой не раз водил в битву свою дружину. **Набеги кочевников.** Пользуясь междоусобьями князей, хищные кочевники, обитавшие в южных степях, редкий год не нападали на Русь. Они жгли беспощадно города, села и деревни, опустошали поля, грабили немилосердно народ, церкви и монастыри, угоняли домашний скот, уводили в плен и людей целыми толпами. Вообще с самого начала существования русского государства это были самые опасные и беспокойные враги наши, тем более, что из азиатских степей время от времени приходили к нам новые орды их. Так, когда Святослав разгромил козар, то вслед затем появились печенеги, которые едва, было при, нем не взяли Киев, и от которых он сам погиб. Печенеги беспокоили Русь во все княжение Владимира Святого, так что предание о них дошло до нас в изукрашенном виде.

Ян Усмошвец. Летописец рассказывает, что однажды печенежский князь, вторгнувшись в пределы Руси, предложил Владимиру решить битву поединком богатырей. Владимир согласился, но не мог в своей дружине найти такого сильного человека, который бы в состоянии был сразиться с великаном печенежским. И начал он скорбеть и тужить. Но вот пришёл к нему из земской рати старый воин, и говорит: «есть у меня, князь, меньшей сын, дома. Никто ещё не мог его одолеть. Однажды он мял кожу, а я его бранил. В сердцах он разорвал кожу пополам руками». Князь обрадовался и тотчас же послал за богатырём. Имя ему было Янг, а по прозвищу Усмошвец, т. е. кожевник. Для испытания силы его, раздражили калённым железом огромного быка и пустили на него. Когда бык бежал, богатырь схватил его за бок и вырвал кожу с мясом. На другой день, в виду обеих войск, богатыри выступили на бой. Великан печенежский стал было насмехаться над Яном, потому что он был среднего роста и очень молод. Но русский богатырь так сдавил печенега своими могучими руками, что у того затрещали кости, а потом так ударил его о землю, что он тотчас же испустил дух. Печенеги, видя это, обратились в бегство. Владимир же со славою возвратился в Киев, и сделали Яна Усмошвеца знатным человеком, равно также и отца его. На том же месте, где происходило единоборство, он построил город, который называли Переславлем, в знак того, что здесь русский богатырь перебил славу у печенегов.

Илья Муромец. Борьба с кочевыми народами, постоянно опустошавшими Русь, перешла и в народные наши песни и сказания. В них прославляются подвиги могучих русских богатырей, ратующих против поганых за Русь: Добрыни Никитича, Алёши Поповича и др. Самый же любимый народом из таких богатырей есть Илья Муромец. Имя этого богатыря, равно как и других, является в песнях наряду с именем Владимира Красного-Солнышка. Вот, например, что о нём поётся в песнях и рассказывается в сказках наших. Илья был сын крестьянина из села Карачарова, близи Мурома. С малолетства он тридцать лет сидел сиднем. Раз, когда отец и мать его были в поле на работе, к окну подходят два старца-странника и просят Илью впустить их в дом и дать напиться. «И рад бы отворить вам ворота, отвечает им Илья, да не владею ни руками, ни ногами». Но, по одному слову старцев, он вдруг встаёт, выпускает их в дом и подносит чару меду сладкого. Старцы напились и подали Илье. Выпил и Илья. «Что чувствуешь?» спрашивают у него старцы. «Чувствую в себе такую силу, отвечает Илья, что, если бы ввернуть кольцо в землю, да зацепить, за что -нибудь, я бы повернул весь земной шар». Но старцы подали Илье другую чару, выпивши которую, он почувствовал в себе на половину меньше силы.

«Будет с тебя и этого», сказали старцы и ушли. После этого Илья отправляется к своим в поле и здесь начинает вырывать деревья с корнями из земли. Всем стало ясно, что Илья — богатырь. Илья Муромец берет благословение у отца и матери и отправляется на богатырские подвиги, — добрым на радость, а злым на страх. Он едет к Киеву прямоезжею дорогою, по которой уж тридцать лет серый зверь не пробегал, чёрный ворон не пролетал, конь его бежит, словно сокол летит, скачет выше дерево стоячего, чуть пониже облака ходячего. В темных лесах брянских Илья встречается с соловьём-разбойником, который одним своим свистом убивал всех проезжих и прохожих. Много богатырей пало от этого свиста. Весь забор во дворце соловья-разбойника был утыкан головами их. Но Илья попадает стрелою своею прямо в глаз разбойнику и берет его в плен, а потом казнит. Приехавши в Киев, богатырь отправляется на двор княжеский. Он соскакивает с коня, привязывает его к дубовому столбу и идёт в светлую гридницу к ласковому князю Владимиру. Здесь молится Спасу со Пречистою, кланяется князю и княгине и на все четыре стороны. У князя в это время был почестной пир и на пиру много князей и бояр, много могучих богатырей. Илью сажают за стол и подносят чару, зелена вина в полтора ведра. Он берет ею одною рукою и выпивает одним духом. Вот на Киев поднялся злой Калин-царь с татарами (они явились позже, но в памяти народной имена перемешиваются). У него силы на сто вёрст во все четыре стороны. В семи вёрстах от Киева он остановился и прислал к князю Владимиру татарина с требованием — сдать Киев без боя, без драки, без кровопролития напрасного. Опечалился Владимир. На ту пору в Киеве богатырей не случилось. Но вот с полуденной стороны прискакал Илья Муромец. Владимир подаёт ему ханский ярлык и просит совета, как поступить: сдать ли Киев без боя, или нега? — «Не печалься Владимир князь Киевский, говорит Илья; Бог, наш Спас, обороняй, нас, Пречистая и всех сохранить. Насыпай мису чистого серебра, другую — красного золота, третью — скатного жемчуга и пойдём со мною к Калину царю. Этот татарин прямо нас доведёт». Прибыв в стан татарский, Илья кланяется царю, подаёт ему честные дары и просит срока на три дня, чтоб отслужить обедню с панихидами, друг с другом проститься. Но Калин-царь, злодей Калинович, принявши с бранью подарки, срока не дал ни на три дня, ни на три часа. Обидно это стало Илье и он начал ругать его и требовать, чтобы отошёл от Киева. Тогда царь приказывает схватить Илью и связать ему белые руки. Пуще, прежнего рассердился Илья, но ещё терпит и только продолжает ругать и требовать, чтобы отошёл Калина. Вновь рассерженный царь плюёт Илье в ясные очи, говоря: «всегда хвастливы русские люди; весь опутан стоит, а ещё хвастает». Тут не вытерпел Илья, разорвал на себе цепи, схватил попавшегося под руки татарина и начал им помахивать. Куда махнёт, тут улицами лежат татары, куда отвернёт — переулками, а сам приговаривает: «а и крепок татарин — не ломится, а и жиловать, собака, не изорвётся». Так побил Илья много татар, а остальные разбежались. Калина же царя поднял выше буйной головы своей, ударил о горюч-камень и разбил вдребезги. И много разных других подвигов совершил Илья Муромец. Но, несмотря на свою исполинскую силу, он нравом кроток и смирен, никого первый не тронет, и готов простить обидчику. Раз на берегу Оки встречается с Ильёю другой богатырь Зюзя, который один бичевою тащит барку. «С дороги!» кричит он нагло Илье. «Сам с дороги!» отвечает ему Илья. Зюзя оставляет барку и идёт прямо к Илье, чтобы дать ему почувствовать своей богатырской силы. Но Илья схватывает Зюзю и бросает вверх. Сто раз, во время полёта, Зюзя успел проговорить: «виновен! впредь не буду». Илья подхватил Зюзю на руки, поставил на землю и пошёл далее.

Походы Владимира Мономаха на Половцев. Но Илья Муромец был богатырь сказочный, под которым нужно разуместь весь русский народ, богатырски боровшийся с разными врагами своими, и внутренними и внешними. Кроме сказочных богатырей у нас были и настоящие богатыри. К числу их

принадлежал князь-богатырь, Владимир Мономах. Заботясь о примирении князей, он в то же время не щадил себя и для обороны русской земли от степных хищников. При нём Русь беспокоили уже не печенеги, а новые кочевники, пришедшие из Азии, половцы. Они появились ещё при Ярославе Мудром, а теперь редкий год не грабили русских. Великий князь Святополк II два раза был жестоко разбит ими и купил у них мир только женитьбою своею на дочери их хана. Но иногда русские князья, собравшись с силами, сами вторгались в земли половцев и наносили варварам жестокие поражения. Героем этих походов, грозою половцев был Владимир Мономах. Он уговаривал князей идти на них. Он же первый садился на коня и скакал в бой с ними, не щадя головы своей. Вот как Владимир Мономах устраивал походы против половцев. Когда после наказания Давида Игоревича за ослепление Василька, княжеские усобицы на некоторое время прекратились, Владимир стал убеждать князей ударить по половцам весною общими силами. Но дружина в кн. Святополка начала отговаривать на том основании, что весною нельзя отрывать земледельцев от дела. Тогда Мономах стал убеждать Святополка съехаться и подумать об этом с дружиною. Они съехались неподалёку от Киева на берегу Долобского озера и, расположившись в шатре, сначала долго сидели молча. Наконец Владимир сказал: «Брат! ты старший; начни же говорить, как нам оборонять русскую землю». Святополк отвечал: «Лучше ты, брат, начни».— » Как же мне говорить», возразил Владимир, «против меня и твоя и моя дружина; скажут, что я хочу погубить и поселян, и пашни; но меня удивляет, что вы жалуете поселян и пашни, а о том не подумаете, что когда весною поселянин станет пахать землю, то придёт половчанин, убьёт его стрелою, возьмёт лошадь, жену и детей, да и гумно сожжёт; об этом вы и не думаете».— » В самом деле так», подтвердила дружина. Святополк же сказал: «я готов идти с тобою».— « Великое, брат, добро делаешь ты русской земле», заметил Мономах. Поле того князья встали, нацеловались и послали звать с собою в поход и других князей. Многие из них приняли приглашение, и таким образом был предпринят поход в степи половецкие. Половцы были разбиты совершенно. Но через год они опять пришли грабить русские области. Тогда, по старанию Мономаха, совершён был поход в самую глубь половецких степей. Варвары, по выражению летописца, подобно густому бору, обложили русские полки на р. Сале. Битва была жестокая, и с обеих сторон падало много народу. Но когда вступили в бой Владимир Мономах со своею дружиною, то половцы бросились бежать, поражаемые как бы невидимою рукою. Долго после того варвары не смели беспокоить русскую землю.

Личность Владимира Мономаха. Вообще, по выражению летописца, Мономах «много утёр пота» за русскую землю. Это был образец русского князя-богатыря, охранителя земли, неутомимого в трудах. Мономах оставил поучение своим детям. Поучение это дошло до нас. В нём говорится, что он против одних половцев совершил 83 больших похода, а малых и не помнит сколько; 19 мирных договоров заключил с ними; до 300 князей их взял в плен, из коих более ста отпустил, а около 200 казнил и потопил в реках. Любопытно также, что говорится в этом поучении о других делах Владимира Мономаха и вообще о жизни его. До света он поднимался с постели и ходил в церковь, потом советовался о делах с дружиною своею, творить суд и расправу, ездил на охоту; большую часть своей жизни провёл он вне дома, большую часть ночей проспал на сырой земле; дома и в дороге, на войне и на охоте делал все сам, не давал себе покоя ни днём, ни ночью, ни в холод, ни в зной. Владимир Мономах, сколько был храбр в битвах с половцами, столько же отважен и неустрашим на охоте. Он смело ходил на туров и всяких зверей, по сто затравливал в лето, при этом подвергался бесчисленным опасностям. «Два тура», говорит он, «метали меня на рогах вместе с конём; олень бодал, один лось топтал ногами, другой тоже бодал, кабан оторвал мочь с боку, медведь прокусил седло, волк вскочил на колени и повалил на землю вместе с конём;

много раз так падал с лошади, два раза разбивал голову, повреждал руки и ноги. И, однако же, Бог сохранил меня живым». Неукротимый и непобедимый в бою, неутомимый в трудах, Владимир Мономах был в то же время необыкновенно щедр, ласков ко всем, справедлив. Он не обидел ни богатого, ни бедного, ни знатного, ни простого человека; строго запрещал и людям своим обижать народ. Наконец, в то время как другие князья постоянно нарушали клятвы, даваемые друг другу, Владимир Мономах никогда, ни под каким предлогом, не преступал крестного целования.

Владимир Мономах - Великий князь Киевский, 1113-1125 г. За свои достоинства Владимир Мономах пользовался особенно любовью и привязанностью народа. Когда великий князь Киевский Святополк II умер, то киевляне объявили, что они никого не хотят иметь своим князем, кроме него. Право на великокняжеский престол в это время было спорное: одни признавали его за Владимиром, а другие за князьями из другой линии, старшей. Поэтому Владимир, не желая подавать повод к междуусобиям, сам и не искал великого княжича. Но киевляне послали сказать ему, что если он к ним не придёт, то они произведут восстание в городе, ограбят бояр и даже церкви и монастыри, а он даст за это ответ перед Богом. При таком ходе дела Мономах прибыл в Киев. Духовенство и народ вышли к нему навстречу с образами и приняли его с честью и великою радостью. Видя такую любовь народа, никто не осмеливался оспаривать у Владимира великокняжеский престол. Он княжил в Киеве двенадцать лет, и при нём на Руси вообще было спокойно. Дикие половцы не смели и показываться. Усобиц в княжеском роде было мало. Когда же кто-либо из удельных князей поднимал оружие, великий князь смирял того самыми решительными мерами. Так, одного князя (Глеба Минского), который вздумал, было воевать с ним, он взял в плен и засадил в тюрьму, где тот и умер; некоторых же непокорных них князей он лишил уделов.

Поход Игоря Северского на половцев. Но вскоре после смерти Владимира Мономаха опять открывается вековая борьба за великокняжеский престол между его потомками или Мономаховичами и потомками другой старшей линии Ярослава Мудрого или Ольговичами. В это время «разодралась вся русская земля, по выражению летописца, сильно замутилась». Едва ли не все княжества принимали участие в междоусобной войне. Киев переходил из рук в руки. Между тем, половцы опять стали страшно грабить русские области. Отряды их появлялись иногда даже в Новгородской области. Князья старались удержать их от набегов то брачными союзами, то подарками; иногда же, собравшись с силами, предпринимали походы во внутрь половецких степей. Таков был поход (в 1184 году) Игоря Святослава, князя Северского, с братом своим. Братья сначала разбили половцев. Но когда степняки собрали все свои силы и, подобно необозримому лесу, охватили русских со всех сторон; то последние, несмотря на отчаянную храбрость свою, почти все легли костями на полях половецких. Игорь был взят в плен, однако успел бежать из неволи. Несчастный поход этот воспет в поэтическом произведении XII века, известном под названием «Слово о полку Игореве». Половцы возгордились победою над русскими и ещё чаще стали производить опустошения. Впрочем, князья, воюя друг с другом, нередко сами призывали к себе на помощь этих варваров, иногда сами отдавали им на разграбление города. Так в начале XIII века отдан был на разграбление самый Киев. Варвары рассыпались по городу, сожгли дома, опустошили церкви монастыри, жителей же старых и увечных перебили, а молодых и здоровых увели в плен. Но в это время Киев уже не был столицею. Старшим князем на Руси теперь считался Владимир Суздальский, а главным городом был Владимир на Клязьме.

Начало единой державы на Руси. До половины XII века князья, воюя друг с другом, хлопотали главным образом о том, чтобы приобрести личный

удел или занять великокняжеский престол. Поэтому они спокойно переходили из одного удела в другой, лишь бы последний был лучше, и мало заботились об улучшении своих волостей. Но теперь начинает устанавливаться новый порядок. Князья стараются удерживать за собой свои владения, заботятся об увеличении их и улучшении, о построении в них городов, развития промышленности, проведения дорог и т. п. В некоторых землях князья так сживаются с народом, что не меняют их даже на великокняжеский престол. Вследствие этого Русь со второй половины XII в. разделилась на несколько княжеств, каковы: Владимиро-Суздальское, Рязанское, Смоленское, Черниговское, Волынское, Галицкое, Полоцкое и другие. В каждом из этих княжеств господствует своя княжеская линия, в каждом есть свой старший или великий князь и свои младшие или удельные князья. Все они, также как и прежде спорят и воюют между собою за уделы. Но в то же время князья начинают сознавать, что, для прекращения этих усобиц, губящих силы русского народа, может быть единственное средство — это установить одну прочную власть и под этой властью соединить все княжества в одно государство. Первый начал приводить это в исполнение Владимиро-Суздальский князь Андрей Юрьевич Боголюбский. Андрей был сыном Юрия Долгорукого и внук Владимира Мономаха. Всю свою молодость он провёл в Суздальской земле, которая была уделом его отца. Край этот, заселённый большею частью финнами, долго был самым бедным и незаметным на Руси. Он начал оживляться и возвышаться только с того времени, как Юрий Долгорукий получил его в удел. Деятельный князь этот стал строить города здесь, в числе которых замечательная Москва, расчищать леса, прокладывать дороги, обращать язычников в христианскую веру, созидать храмы, основывать монастыри. Устроивши свой удел, Юрий стал смотреть на него как на неотъемлемую собственность свою и своего рода и дорожить им. Народ также, видя заботы князя о себе, привязался к нему и к его роду. Таким образом, князья Суздальские, поддерживаемые народом, являются сильнейшими в ряду других князей. Андрей Боголюбский, сознавая свою силу, начал подчинять себе соседних князей. Так, князья рязанские, смоленские и другие принуждены были признать над собою его волю и по первому требованию его ходить с ним на войну. В своём же Суздальском княжестве он поступал совершенно самовластно. Чтобы положить конец спорам и усобицам князей за уделы, он выгнал отсюда своих братьев и племянников, а чтобы не встречать ни откуда противодействия своим распоряжениям, он не раздавал уделов даже своим сыновьям.

Возвышение Владимира на Клязьме. Случилось, что в Киеве сел неугодный. Андрею князь и притом младший племянник его. Он решился наказать его: собрал многочисленную рать, к своим суздальским полкам присоединил полки князей — смоленского, черниговского, переяславского и других. В 1169 году эта рать отправилась под Киев. Андрей был так уверен в успехе, что сам не повёл её, а поручил своему сыну. И действительно, после четвёртого приступа, крепкие стены Киева были пробиты, и сборная рать Андреева ворвалась в город. Начался грабёж и продолжался два дня; иконы, ризы, колокола, книги—все было расхищено; в то же время пожар, истреблял дома, церкви, монастыри. «И быть в Киеве, говорит тогдашний летописец, стенанье и туга, и скорбь неутешная, и слезы не пристанные». Но как же это случилось, что сами же русские ограбили и сожгли свою столицу? Дело в том, что Андрей не любил Киевской земли, где происходили, постоянные войны за престол и за уделы. Кроме того, выросший в суздальской стране, он привык совершенно к другим порядкам, нежели какие были здесь. В Киеве народ нередко шёл вопреки князей, между тем как Андрей привык, чтобы воля его беспрекословно выполнялась. Поэтому, взявши Киев, он не думал княжить в нём и посадил князем младшего брата своего Глеба; сам же остался в

любимом своим суздальском крае, удержавши за собою титул и значение великого князя. Задумав установить на Руси самодержавную власть, Андрей здесь-то поселился не в главном каком-либо городе—Ростове или Суздале, а в маленьком городке Владимире на Клязьме. Это объясняется следующим образом. Во всех древних русских городах издавна существовали вече или народные сходки, где решались разные дела. Но решения вече в главных городах были обязательны для младших городов или пригородов, как они тогда назывались. Летописец наш говорит: «Новгородцы, смоляне, киевляне и все волости искони как в думу на вече, сходятся и на чем старейшие положат, на том станут и пригорода». Таким образом, старые города привыкли командовать. Поэтому Андрей Боголюбский предпочёл Ростову и Суздалью Владимир, который недавно только ещё был основан дедом его Владимиром Мономахом. Предание говорит, что само провидение указало ему на этот город. Андрей возвращался, раз из Киевской земли, взявши с собою оттуда икону Божьей Матери, которая, по преданию, была написана евангелистом Лукою. Неподальёку от Владимира, кони, вёзшие святую икону, вдруг остановились; никакими усилиями нельзя было заставить их идти далее, запрягли других и те тоже стояли, как вкопанные. Андрей понял из этого, что места эти излюблены Богом. На том самом месте, где остановились кони, он построил церковь и село, которое назвал Боголюбовым. В этом селе он большею частью и жил, отчего и прозван Богословским. Таким образом, Владимир сделался стольным городом земли русской. Андрей не жалел денег на украшение его. Он выписывал из Греции художников и мастеров, которые строили днесь церкви и палаты; ежам, Говорят, присматривал за ними, сам даже чертил планы. В короткое время Владимир украсился такими зданиями и церквами, каких не было и в старых русских городах. В одном из соборов его поставлена была икона Божьей Матери и украшена золотою ризою в 30 фунтов, кроме множества жемчуга и дорогих камней. Впоследствии эта икона, известная под именем Владимирской Божьей Матери, перевезена была в Москву и в настоящее время составляет главную святыню московскую.

Борьба Андрея с Новгородом. Подчинивши, себе Киев, Андрей Боголюбский ещё самовластнее и решительнее стал поступать с удельными князьями. Он задумал также совершенно подчинить себе вольный Новгород - Великий. Нигде на Руси вече не имело такого значения, как в Новгороде. Новгородцы на своих сходках решали сами все важные дела: например, выбирали себе высших должностных лиц, издавали законы, определяли войну и мир. Правда, они не могли жить без князя из Рюрикова дома, но принимали их к себе большею частью «на своей воле», то есть, таких, которые соглашались на все их условия. Власть князя в Новгороде была весьма ограничена. Без воли вече и народа, он, не мог сделать ничего важного, не мог даже, например, сменить посадника. Так, когда один князь, но поладивши с посадником, хотел лишить его должности, то вече решительно воспротивилось этому. «В чем он виноват?» спросили новгородцы: «Без вины», отвечал князь через своего посланного. Тогда вече послало сказать князю: «Ты клялся нам без вины никого не лишать власти, а потому мы тебе кланяемся, посадник наш, и по-твоему не сделаем». Князь должен был уступить и примириться с посадником. Если же иной князь хотел настоять на своём, то новгородцы прогоняли его от себя. Такому князю они обыкновенно говорили: «Иди, куда хочешь, теперь не твоё время». Но новгородцы, не давая воли князьям, не в состоянии были устроить у себя и вечевое урочное правления, а потому у них часто происходили большие беспорядки и волнения.

Когда народ, по звуку вечеревого колокола, собирался на сходку, то здесь большею частью поднимался страшный шум и крики; нередко дело доходило до рукопашного боя, а иногда и до смертоубийств; граждане разделялись на партии; сторона выходила на сторону; сходились обыкновенно на Волховском мосту и тут — вступали в бой. При этом победители, избив своих противников до полусмерти, большею частью сбрасывали их с моста в реку Волхов. В это время народ бродил также по городу, нападал на дома богатых граждан и грабил их. Только духовная власть ещё сдерживала несколько буйных новгородцев. Обыкновенно, когда схватка становилась опасною, архиепископ созывал духовенство, облачался в ризы и с крестами и иконами отправлялся к мосту. Среди бунтующей толпы он останавливался и начинал осенять крестом во все стороны. Тогда народ приходил в себя, и схватка прекращалась. Но все-таки во время таких волнений много гибло народу и добра. Правда, новгородцы были очень богаты, они вели обширную торговлю с иноземцами, поставляли им разные товары: кожи, воск, сало, а в особенности дорогие меха, за которые получали большие деньги; владения их занимали всю нынешнюю северо-восточную Россию до самых Уральских гор. Но, несмотря на богатства и обширность владения, Новгород был слаб от внутренней неурядицы. Понимая это, Андрей Боголюбский задумал подчинить себе вольный Новгород. Раз он прислал сказать новгородцам: «Да будет вам ведомо; хочу искать Новгорода добром и лихом». Как ни сопротивлялись новгородцы, однако должны были уступить. Андрей стал назначать им князей от себя, которые управляли ими уже по своему усмотрению. Горько и непривычно было новгородцам видеть у себя таких князей. Наконец, выведенные из терпения, они восстали, прогнали от себя князя, посаженного Андреем, и решили возвратить себе прежнюю волю. Но Андрей ополчил против новгородцев чуть не всю землю русскую и осадил город. Три дня продолжался бой, на четвёртый изнемогшие граждане вынесли на стену икону Божьей Матери, с пением и слёзными мольбами о заступлении. Вслед за тем загорелась ожесточённая битва; стрелы как дождь сыпались на новгородцев, но они, видя перед собою св. икону, стояли как живая стена и отражали суздальцев. Летопись рассказывает, что во время самого жаркого боя икона Богородицы обратилась лицом к городу, и тогда на врагов нашёл мрак и напал страх. Они как слепые начали метаться туда и сюда, бить друг друга и наконец, побежали. Новгородцы в память этой победы установили у себя праздники Знамения Пресвятой Богородицы. Однако, несмотря на это, Андрей заставил смириться новгородцев другим способом. Он стал задерживать торговых людей новгородских и прекратить подвоз хлеба в их землю из низовых областей. Новгородцы, страдали от голода, запросили мира и согласились опять принимать к себе князей, назначаемых суздальским князем. Андрей, наконец, прислал им своего несовершеннолетнего сына и притом полную власть в управление предоставил себе. Новгородцы, не смея сопротивляться открытою силою, обратились к ходатайству своего архиепископа. Тот ездил во Владимир и просил Андрея быть по снисходительней к Новгороду и не нарушать старинных его прав. Но ходатайство архиепископа не имело успеха. На следующий же год Андрей Боголюбский потребовал, чтобы новгородцы, вопреки своим исконным правам, выставили ему войско, которое он вместе с другими войсками отправил под Киев, где у него в это время загорелась также борьба.

Борьба Андрея с Мстиславом Храбрым. Глеб, посаженный Андреем в Киеве, скоро умер. На его место посажен был, Роман, один из смоленских князей. Он сначала совершенно подчинялся суздальскому князю. Но скоро между ними произошло несогласие. Дело началось таким образом. Роман перевёл к себе в Киевский край братьев своих и в числе их брата Мстислава, по прозванию Храброго, князя отважного, который, по выражению летописи, «от юности своей никого не боялся, кроме Бога». Между тем, Андрей Боголюбский узнает,

что прежний киевский князь, его Глеб, умер не своею смертью. Он посылает к Роману с требованием, чтобы ему выданы были убийцы Глеба. Роман, настроенный братом. Мстиславом, отказал. Тогда Андрей послал сказать ему и братьям его так: «Не хотите слушаться меня, так ступайте в свою отчину», то есть, в Смоленск, а Мстиславу приказал отдельно передать: «Ты всему зачинщик; не велю тебе быть в русской земле». В ответ на это Мстислав велел в присутствии своём остричь послу Андрея голову и бороду и отправил его назад с такими словами: «До сих пор мы почитали тебя как отца, по любви, но если ты прислал к нам с такими словами, не как к князьям, а как к подручникам своим, и простым людям, то делай, что замыслил. Бог нас рассудит». Андрей опал в лице, когда получил такой ответ. Он немедленно же стал собирать войска. Более 20-ти князей стали под его знамёна. Даже Роман удалился из Киева и присоединился к его ополчению. Так отражён был Андрей Боголюбский. В этом же ополчении должны были участвовать и новгородцы. Андрей приказал поймать Мстислава живым и привести к себе. Огромное ополчение великого князя владимирского, пришедшее в киевскую землю, осадило Вышгород, где заперся Мстислав. Девять недель мужественно выдерживал осаду этот храбрый князь. Рано или поздно они, конечно, должны были бы сдаться. Но на десятой неделе в ополчении Андрея, произошли несогласия. Некоторые князья перешли на сторону Мстислава Храброго, а другие удалились из-под Вышгорода. Тогда и суздальская рать оставила осаду. Тяжело было Андрею Боголюбскому, на старости лет, потерпеть такое унижение. Однако и после этого смоленские князья, видя, что без воли и помощи Андрея им не владеть Киевом, послали к нему с повинною. Прежде, нежели Андрей решил, простить ли их или наказать, его постигла неожиданная смерть.

Смерть Андрея. Подчиняя себе князей и веча, Андрей Боголюбский в то же время старался, чтобы и бояре беспрекословно повиновались ему. У каждого князя в старину была своя дружина. С нею они совершали походы, производили завоевания. Дружина разделялась на старшую и младшую. Старшие дружинники, или бояре, были также советниками князей во всех делах. Когда князь замышлял что-нибудь без их ведома, то они отказывались следовать за ним. «Ты это, князь, замыслил сам с собою, без нашего ведома, говорили они обыкновенно в таких случаях; не идём за тобою». Андрей прогнал от себя старых бояр отцовских, привыкших давать советы князю и обходиться с ним запанибрата; он старался окружить себя такими дружинниками, которые бы беспрекословно подчинялись его воле. Но они начали обходиться с ним уже слишком строго по тому времени. Однажды они велели одного боярина за какую-то вину даже казнить. Это тогда было не в обычае. Когда другие бояре узнали о таком распоряжении князя, то составили заговор против него. Ночью они напали на своего князя в спальне, в Боголюбове, и самым бесчеловечным образом умертвили. Это было вы 1174 г. По смерти Андрея Боголюбского, ростовцы и суздальцы хотели было лишить ненавистный им Владимир первенства. «Сожжём его, говорили они, или пошлём туда своего посадника; он наш пригород, населённый холопами-каменщиками». Но Владимировцы успели отстоять своё первенство, Владимир надолго остался стольным городом земли русской. Великие же князья владимирские, преемники Андрея Боголюбского, продолжали утверждать на Руси единое державие. Особенно замечателен в этом отношении брат его, Всеволод Юрьевич, по прозванию Большое Гнездо, потому что был отцом многочисленного семейства. Однако, прежде, нежели утвердилось единое державие, на Руси нагрянули новые кочевники татары и,

пользуясь разъединением и враждою князей, покорили её.
